

Огненные версты

Памяти Мацан Николая Григорьевича

В середине января 1945 года минометчики 569-ого Ворошиловградского полка 3-ей Гвардейской Армии вместе с 389 стрелковой дивизией завязали тяжелые упорные бои за город Кёльце, превращенный врагом в крепость. В редкие минуты затишья, лежа в промерзшем окопе, Николай вспоминал мать, Анну Ивановну, чье письмо он получил неделю назад и, зная, как болезненно переживала она за сына, особенно после того, как в феврале прошлого года он получил медаль «За отвагу», отбив с товарищами танковую контратаку, свой неизменный ответ: «Жив, здоров, гоним врага без передышки!» Нет, Николай ни в коей мере не считал себя отважнее других. Не в этом дело. Просто он не мог по-другому. Не мог во имя земляков Васи Вакуленко, Феди Супрунова и миллионов других, оставшихся лежать на полях сражений под безымянными селениями, под Москвой, Сталинградом, Курском. Вспоминал Николай отца, уж совершенно фантастическим образом встретившегося ему весной 1943 во время прорыва «Голубой линии» фашистов на родной Кубани. И ведь не сразу признал он тогда в этом грязном, обросшем солдате отца-то! Ну потом обнялись, как водится, крепко, поговорили. Эх, Кубань... хутор Горькая Балка, 7 улиц, родительский дом, довоенная жизнь весельчака-тракториста и Аннушка, милая Аннушка, сейчас вот, в этой заметенной снегами Польше застенчиво улыбающаяся ему с фотокарточки...

В темноте окопе, где лежал Николай, вдруг раздался голос Михаила Кеворкова, а потом как будто из ниоткуда совсем рядом возникло его лицо, румяное, с блестящими глазами и усмешкой в уголках губ. Кеворков, командир отделения разведки, с начала освобождения Польши стал настоящим боевым товарищем Николаю, несмотря на различия в званиях. Потом старшина признался, что восемнадцатилетний коренастый кубанский хлебороб, смекалистый, проворный и наблюдательный, сразу пришелся по душе разведчикам, когда с таким азартом и вдохновением увлекал ребят рассказами о труде на пашне, да и его умелые, натруженные руки, казалось бойцам, источали душистый аромат только что испеченного хлеба. На а уж «Катюша», которую с такой душой выводила балалайка в руках Николая, заставила петь и плясать в минуты отдыха не одну роту бойцов. Да, без таких моментов в военной жизни нельзя, иначе что-то надломится внутри, и тогда навалится такая темная и беспробудная тоска, что свет будет не мил. «Докладывай, боец, -дружелюбно сказал Кеворков, -как продвигается подготовка к прорыву вражеской обороны? За сутки, небось, уже все позиции фашистов выучил?» «Все-не все, а вот кое-что интересное обнаружил, -ответил Николай, передавая бинокль старшине, -справа и слева, по краям пригорка, пулеметные гнезда и дзоты, видишь?» «Так, и что с ними не так?» «А то, что липовые они, фиктивные вроде, слишком уж ладные, а я сутки наблюдаю, так огонь ведется из тех, что ближе к середине, а у этих, что напоказ выставлены, даже и движения никакого нет. Как бы пристрелять минометчикам эти дзоты, вроде как удалась фрицевская хитрость, а перед самым наступлением ударить что есть мочи по настоящим! А, товарищ старшина?» «Молодец, боец, хвалю за находчивость, одобряю произвести корректировку минометного огня!»

Часа через полтора заработала наша батарея. Кто не видел минометного обстрела и не бывал под ним, тот и пороха не нюхал. Противный, резкий ноющий свист, пробирающий до нутра, приближается и нарастает. Добираясь до самых высоких нот, неожиданно обрывается взрывом, который почти не слышен. Комья мерзлой земли и сотни осколков прошивают пространство на десятки метров вокруг и громко шлепают, натываясь на препятствия, или со звяканьем рикошетят. Но сейчас мины накрывали

обманные дзоты немцев, и от этого на душе было спокойно, и можно было даже перекурить. Пусть фашист радуется, что планы его не раскрыты. Недолго осталось.

Наше наступление было назначено на 6 утра и началось предварительной артподготовкой по действующим огневым точкам противника. Корректировку огня со своего наблюдательного пункта вел Николай, и, когда были подавлены три станковых пулемета и уничтожены два ближних немецких дзота, он вместе с вдруг выросшей из окопов пехотой с криком «ура!» бросился в атаку, прижимая автомат к животу и стреляя короткими очередями. Увлекаемый каким-то общим порывом, желанием выдавить немцев из укрепленных окопов, Николай не замечал ничего вокруг и только видел брустверы фашистских траншей, до которых оставалось не более пяти метров. И вдруг пулеметная очередь справа. Бегущий рядом с Николаем Кеворков мгновенно упал на землю, как по команде залегла пехота. Николай, не поднимая головы, посмотрел на бойцов и, показав взглядом, чтобы прикрывали, вытащил гранату. Одним рывком он поднялся с земли и, в два прыжка оказавшись у немецких окопов, швырнул гранату под снеговую шапку блиндажа. Раздался взрыв, и под раскатистое «урр-а-а-а» пехота бросилась вперед.

А спустя несколько часов в разгар боя уже за вторую полосу немецких укреплений сильный взрыв сзади отшвырнул Кеворкова в снег. Опомившись, Михаил оглянулся. У черневшей воронки, держась за ногу, корчился Николай, припорошенный землей, снег под ним обгагрался кровью. Старшина пронес Николая на себе около километра. Затем, обливаясь потом и проваливаясь в снег по колено, тащил на своем полушубке. Изредка Кеворков останавливался, всматривался в бледное лицо товарища, подбадривал и снова тащил...

После ранения был госпиталь. Ногу ампутировали. Главное для врачей было спасти жизнь с суровых реалиях, поэтому методов лечения было мало. Ампутировали и нет гангрены, будешь жить. Нам, его потомкам, трудно даже представить, каково это остаться инвалидом в 21 год. Профессия хлебороба-механизатора стала недоступной. Раньше был красавцем и первым парнем, а теперь был уверен, что любимой девушке не захочется стать женой одноногого. Как же он ошибался! Его любили и ждали. Вернулся с фронта и отец, это же такая редкая удача и счастье для Анны Ивановны! Живы! Оба! Свадьбу с невестой Анной сыграли сразу, а в 1946 у них уже родилась дочь Валентина Николаевна. Именно такое имя и отчество было у врача, которая спасала Николая в госпитале. Он тогда дал зарок, что если будут у него дети, то первый будет Валентином или Валентиной.

Работу ему тоже нашли сразу. Нужно было восстанавливать и налаживать жизнь. В селе стало развиваться опытное хозяйство по внедрению сельскохозяйственных разработок и делом Николая было заниматься инфраструктурой. Построили дома для работников, разбили парки, скверы, возвели гостиницу и кинотеатр, новую школу и детский сад. Всю жизнь дед работал руководителем коммунально-бытовой сферы в своём посёлке. Вырастил двух дочерей имел 7 внуков. С Анной прожили вместе 66 лет до самой его смерти.

В 1975 году случилось в жизни Николая знаменательное событие. Написал ему письмо корреспондент ворошиловградской газеты, готовивший материалы к 25-летию Победы о полке, в котором служил Николай. В один голос однополчане с теплотой отзывались об улыбчивом простом кубанском парне, прошагавшим с ними нога в ногу тысячи огненных верст, без секунды сомнений встававшим в полный рост под немецким огнем и своим личным примером воодушевлявшим окружавших его солдат. Каково же

было удивление корреспондента, когда был найден наградной лист на имя Николая с пометкой «не вручено». Оказалось, что за подвиг в том бою, после которого прадед попал в госпиталь, он был представлен к высокой награде, но вручить её так и не успели, так как боец долго лечился и отбыл из-за инвалидности к месту жительства. Состоялась встреча с корреспондентом, а также торжественное вручение. Наша семья гордится своим отцом, дедом и прадедом!

Вечная слава Героям Великой Отечественной войны!